

Игры малых народностей Севера¹

В. Г. Богораз

Общепринятые представления о Севере как о стране мрака, мятелей и холода должны быть во многом исправлены. Весеннее равноденствие наступает на Крайнем Севере в те же дни и часы, как и на теплом, далеком Юге, и после зимних мятелей и сумеречных дней наступает весна. Белая полярная весна отличается пышностью и блеском. День прибавляется с большой быстротой, уже в половине апреля полночная заря медленно переползает в небесах с запада на восток. Все залито алым, и небо, и тундра, и чистый нетронутый снег. Самый воздух напоен алостью. Солнце восходит, и алое мерцание сменяется блеском, жгучим и почти нестерпимым. Снег, остеклевший под дневным солнцепеком, кажется склеенным из многих миллионов крошечных ярких зеркал. Тундра сверкает в кругу горизонта, как огромный алмаз. В этом блеске есть ярость, неистовство. Все слепнут от этого света, люди и даже собаки. В мае вскрываются реки, и почти без перехода начинается лето. Бессонное солнце бродит по небу, как будто потеряло дорогу на запад для отдыха. Бессонные птицы поют неумно, выют полуночные гнезда и не думают об отдыхе. Бессонные люди справляют летнюю рабочую страду: одновременно терзание и праздник. Сохнут от работы, пьянеют от солнца и буйной еды.

В связи с этим жители Крайнего Севера являются не менее склонными к возбуждению и быстрому движению, к веселью и смеху, чем жители крайнего Юга. Эскимосы и чукчи увлекаются спортом и играми, пожалуй, не меньше, чем европейские спортсмены. Играми и спортом наполнена не только чукотская земля, но также чукотское небо, ими

¹ Публикуемая статья была написана В. Г. Богоразом в 1933 г. для предполагавшегося к изданию коллективного труда „Всеобщая история физической культуры“, том I которого намечалось посвятить первобытным народам. Статья печатается по рукописи, хранящейся в Архиве Академии Наук СССР (фонд 250, опись I). Иллюстрации в архиве автора, к сожалению, не сохранились. Редакция сочла необходимым внести в статью незначительные сокращения и заменить некоторые выражения, сохраняя во всем остальном стиль автора. — Ред.

увлекаются небесные люди и небесные духи, живые и мертвые. Сполохи, сияние, вспыхивающее зимнею ночью над северным краем небес и встающее столбами мелькающего света до самого зенита, — все это небесные люди, перебегающие взад и вперед в постоянной гоньбе за огромным мячом. Мячом служит голова моржа. Когда ее удачным ударом вскидывают в вышину, она оживает, разевает свою пасть и грозно ревет. Горе неловкому партнеру, который не успеет уклониться от ее свирепого падения.

Зимнее катание с горы является тоже излюбленным северным спортом. По свидетельству зоологов, катанием с горы увлекаются выдры. Северные сказки о животных наполнены спортивными играми и состязаниями разных звериных пород.

Ворон и волк бьются об заклад, кто из них ловчее скатится с крутого утеса на тонкий осенний ледок. Волк провалился и тонет. „Друг, спаси!“ — взывает он к ворону. „А что дашь?“ — спрашивает ворон. „Черносережнюю сестру с двойными ожерельями“. — „Ага, так, ну, полезай!“ Ворон протягивает тонущему лапу.

Спортивные игры, как видно, завершаются браками.

Эскимосы, чукчи и коряки увлекаются также борьбою и боксом, бегами на оленях и собаках и бегом на собственных ногах. На крайнем северо-востоке, в Америке и в Азии, гостя еще до кормежки встречают предложением померяться силами: его угощают пощечиной с плеча и потом подставляют свою щеку. После такого обмена гулким и звонким приветствием его с торжеством уводят под крышу, предлагая ему еду и платье. Тяжелая оплеуха является частью северного гостеприимства.

Северные обряды и праздники перевиты, наполнены плясками. Пляшут мужчины и женщины, старики и старухи, маленькие дети. Заклинание духов совершали прежде танцуя, и жертвы им приносили приплясывая и произнося: „Гоп, гоп, гоп!“

Пляшут мужчины отдельно и женщины отдельно, как два эротических фронта. Наступают друг на друга, пропускают ряды сквозь ряды.

Женщины увлекаются спортом несколько не меньше мужчин. Есть женские скачки и женский пеший бег и женский мяч. Женщины состязаются с мужчинами, как равные соперники в воинственных подвигах, в стрельбе из натянутого лука, в смертельном поединке на остро отточенных копьях. Вот один из рассказов.

В битве чукчей с коряками для воинской потехи сходятся две группы. Четверо коряцких братьев-удальцов и четверо чукотских, трое братьев и четвертая сестра. Копья у них из моржовых клыков. Щиты — из подошвенной кожи. Полдня продолжается бой. Чукотская братская тройка и коряцкая тройка погибают в бою один за другим. Совсем как в римском рассказе о поединке братьев Горациев с братьями Курнациями. Уцелели — коряцкий удалец, проворнейший из всех, и чукотская девушка. Коряк уговаривает девушку: „Давай, перестанем. Убивать не хочу тебя, ты — женского пола“. Но девушка стоит на своем: „Сначала испытай меня, а потом говори“.

Она подобрала свои косы, туго затянула на талии пояс, крепко завязала широкие свои рукава. Копье ее короче, но она не боится противника. Они бились весь день, пока солнце не село. Коряцкий боец начал задыхаться, он вывалил язык до самого плеча, потом покачулся и сел на утоптаный снег.

„Ах, ах! Вот как расправилась с силою моей чукотская женщина с вышитым носом“.¹

„Что же, убей меня, мне стыдно вернуться домой“.

„Нет, не стану убивать. Я — женщина, мне стыдно убить молодца“.

„Нет, нет, убей меня! Как мне вернуться домой? Если вернусь, отец засмеет меня. Соседи назовут меня женобитый... Вот, возьми мое копье, возьми панцырь и лук, дай только мне покурить табаку последний разок“.

Девушка наносит противнику смертельный удар; он падает на спину и лежит, возвышаясь горою и касаясь земли только лопатками, пятками, икрами и нижнею частью спины. Чукотская девушка с вышитым носом его победила.

В другом рассказе девушка состязается в беге с толпою женихов: которого обгонит — немедленно выгонит прочь. Это не рассказ, а целая повесть, составленная с большим мастерством, идиллия чукотского оленеводства.

... „на конце всех жительство, там, вдали стоит одинокий шатер. В нем живет девушка, совсем одинокая, с родителями-стариками. Замуж не выходит, никого не принимает, весьма быстроногая. Кто придет свататься, — бегут с ней взапуски; обгонит и скажет: «не нужно!»“

В конце концов приходит сирота, искатель своего счастья.

„Тот странник пришел к родителям, вошел, воткнул копье перед дверью.

Пришла девушка из стада: „Ну, чье копье воткнуто тут? Пусть выйдет, бежим“. Косы до лодыжек, толстые, когда стоит — волочатся по самой земле. Отец говорит: „Юноша устал, не может бежать, пусть отдохнет“.

„Нет, нет, пусть бежит“.

Юноша далеко обогнал быстроногую девицу. Вошел в полог. Она вошла вслед за ним, сняла беговую мужскую одежду, бросила ему, сама переделалась в женскую одежду, потом развязала ему обувь, разула и раздела его и одела в свое собственное платье. Вынесла на двор его одежду, — плохая одежда. Изрезала на мелкие части и сожгла на огне. Поели, приготовила постель, принесла одеяло, говорит: „Ну, ложись!“ Укрыла его одеялом; еще отец и мать не заснули. Окончив наружную работу, вошла, потушив огонь, скользнула под мягкие шкуры, как гладкая выдра“.

Таковы состязания Севера.

В дальнейшем описании мне придется ограничиться только областями крайнего северо-востока. Они достаточно обширны, чтобы заполнить своим блеском и шумом отдельную главу в описании северного спорта.

¹ Вышивка — татуировка. Чукотская татуировка производится иглою и ниткой, на тертую сажей или порохом.

Буду описывать игры и пляски эскимосов, чукчей и коряков, эвенков, чуванцев и юкагиров. Ненцев с хантами и кетов с гиляками,¹ по необходимости, оставляю до другого раза.

Бега. Бега на Севере можно устраивать на собаках и оленях. Собаки бывают упряжные, а олени — упряжные и верховые. Состязания на верховых оленях относятся уже не к бегам, а к скачкам. Все эти бега и скачки устраиваются довольно торжественно, с призом, который выставляется у задней черты: взад и вперед пробежишь, всех перегонишь — тогда и бери приз. Приз выставляли старшины, начальство, купцы.

Мне приходилось участвовать в собачьих и оленьих бегах, также и в оленьих скачках. При этом, разумеется, я был „устроителем“ и выставлял приз. К мете приходил не самым последним, но также и не первым, впрочем, в беге на собаках раз или два приходил первым, потому что собаки у меня были самые крупные, быстрые и кормил я их на славу. Приза, разумеется, не брал никогда, ни своего, ни чужого.

Чукчи страстно увлекаются оленьими бегами. Бега начинаются с осени и устраиваются непрерывной чередой со стойбища на стойбище, до самой середины зимы. Есть такие охотники, что так и переезжают с бегов на бега. Призы выставляются довольно дорогие: россомаха, бобровая шкура и даже упряжной олень. Гонят оленей изо всех сил, можно сказать до самозабвения. Нарта чукотская низенькая, олени бегут широкой иноходью, из-под копыт вылетают снежные комья в грудь, в лицо ездоку. Тут увернуться не успеешь, успевай погонять, да держись, чтобы не слететь с нарты.

Из-за оленьих бегов выходят нередкие ссоры и даже убийства. Соперники прибегают ко всяким средствам, дозволенным и недозволенным.

Однажды на реке Россомашьей, в восточной колымской тундре, я был свидетелем довольно зловещего случая. Встретились старые соперники: Толино и Кокколи-Ятиргин, оба мои хорошие знакомые. Олени у Толино были резвее, и он обогнал, но у самой меты его правый олень запнулся и упал носом в снег, так что Ятиргин успел проскочить вперед. Тотчас же завязалась рукопашная, но соперников розняли. На другой день к вечеру Толино вдруг скоропостижно умер. Его соперник Ятиргин считался шаманом, и люди стали говорить о черной шаманской порче, брошенной сначала на оленя Толино, а потом на него самого.

С другой стороны, Ятиргин водил интимное знакомство с двоюродной сестрою Толино, которая жила на стойбище своего богатого, многооленевого брата. И близкие соседи говорили, что Ятиргин научил Рольтыну подсыпать какой-то порошок, сначала оленям, а потом и самому Толино.

Как бы то ни было, тотчас же после скоропостижной смерти соперника Кокколи-Ятиргин немедленно откочевал со зловещего места бегов. Два брата Толино сели на собственных беговых оленей и помчались вдогонку. Они не хотели разбираться: была ли тут отравка и порча, хотели отомстить победителю полною мерой.

Ятиргина они не догнали, но от этого случая потянулась череда кровомщений, как нередко бывает на тундре.

Надо сказать, что в собачьих бегах чукчи, коряки и другие приморские жители сравнительно менее азартны. Их собаки питаются тюленьим жиром и часто голодают. Превосходными собачниками являются поречане, живущие по устьям Яны, Колымы, Индигирки, Анадыря и других северных рек. Все это русская „смешница“: чувано-юкагиры, ламуты, якуты, полубруселые и смешанные с потомками русских завоевателей, более поздних переселенцев. „Смешница“ вся говорит по-русски, живет рыболовством и ездит на собаках. Собаки у этих обруселых и полубруселых отборные, веселые и резвые. Оттого и бега на собаках выходят на славу. Здесь тоже считается дозволенным любой прием. Можно, например, в решительную минуту подрезать постромки противника, отчего получается ссора, драка и вражда. Торговцы и подрядчики, исправники и даже попы заводили отборнейших собак, подбирая их по шерсти и по росту. Ездить на собаках, однако, богачи не умели и держали особых ямщиков, гонщиков, каюров.

Таким образом, начальство и купцы ездили постоянно с двойным человеческим грузом: хозяин и ямщик. Любой молодец — середнячок и даже беднячок, все же выезжавший на резвых собачках, без клади, „на голой доске“, всегда имел шансы обогнать „его высокородие“ исправника или „его степенство“ скупщика. Из этого тоже выходили ссоры особого типа, и дерзкий победитель, случалось, попадал под арест в „холодную“.

На оленях гоняются не близко: верст пятьдесят и побольше взад и вперед. А на собаках втрое, вчетверо дальше, особенно весной, когда подмерзает оттаявший наст и можно скользить, как по сверкающему зеркалу, днем и алой пылающей ночью.

В Колымском округе, где я был десять лет в ссылке [с 1890 г.], часто доезжают на собаках от Нижне-Колымска до Анюйской крепости в один угон, на 250 верст. Выедешь утром из Нижнего, едешь без особых остановок день и ночь и, не допустя круглых суток, приезжаешь в Анюйскую крепость. По этой дороге часто гоняются взапуски.

В мою бытность на Колыме рассказывали про самую азартную гонку, которая случилась лет за сорок, в 1869 г. Гонялись исправник Анатовский и купец Барамыгин. У каждого было по 14 собак. Барамыгин обогнал и домчал до Анюйской крепости в 15 часов. Исправник отстал больше, чем на час. В среднем, собаки обоих соперников сделали больше 15 верст в час. При таком продолжительном беге — это рекорд, совершенно непосильный никакому другому животному, не исключая орловских рысаков или английских чистокровных скаковых лошадей.

Гоняться на собаках, без всякого груза, — спорт благородный и доступный каждому проворному каюру-гонщику. Но ехать с тяжелым купчиной, увязанным крепко в задке, как будто моржовая туша, — кошмарная и страшная работа. Исправнический ямщик добрался до крепости белый, как бумага, его сняли с сиденья, как пьяного, и под руки ввели в избу. Барамыгинский ямщик повредил себе руки и ноги и не мог поправиться до самой смерти.

Для пеших бегов оленеводы не особенно годятся. Они слишком привыкли сидеть на санках. Собачники, напротив, на бегу неутомимы. На собачьей нарте долго сидеть, вообще, не полагается. Каюр соскакивает и бежит рядом, свищет, ухает на свою необузданную свору, вскочит носком на правый полозок, держась за ведущую дугу, проедет малость и соскочит опять. Это не езда, а, скорей, цирковая игра.

Ламутские охотники, которые гонят по следу на мягко подшитых лыжах оленя или лося в течение многих часов, тоже легки на ногу и неутомимы.

Чукчи и коряки не имеют пастушеских собак, поэтому пастух должен догонять постоянно убегающее стадо и в случае нужды обогнать его совсем и перенять у него дорогу.

Чукчи, таким образом, бегают быстрее домашнего оленьего быка. Но ламутский охотник догоняет и дикого оленьего быка, который убегает из-под выстрела, спасая свою жизнь.

Борьба. Не менее распространена на Севере борьба, которая ведется по строгим правилам, а в некоторых случаях переходит в драку. В начале соблюдается очередь нападения и обороны. Один из борцов становится в оборонительную позу, другой — нападает, чаще всего хватая противника за руку, старается сорвать его с места, закрутить и бросить на землю. Потом он, в свою очередь, переходит в оборону, а другой переходит в нападение. После второго или третьего оборота страсти разгораются, и тогда противники переходят к более жестоким приемам, бьют друг друга ногою в брюхо, при случае даже кусаются. Летом и зимой, даже в самую лютую стужу борцы раздеваются до пояса, потом приседают на корточки, хватают горстями снег и усердно натирают свое тело. Тело разгорается и пышет огнем. Противники, сцепившись, катаются по снегу голыми плечами и голым животом и даже не чувствуют этого.

Впрочем, русская „смешница“ — рыболовы и собачьи гонщики, привычные жить в теплых избах, — в такой борьбе имеют меньше шансов, чем полевые „быстроходы“ — эвенки, коряки и чукчи.

Во время постоянных мелких войн, еще до прихода русских, борьба превращалась в поединок, требующий исключительной ловкости. Борцы встречались на скользкой моржовой шкуре, свежесодранной и лоснившейся от сала. Шкуру натягивали, как будто барабан. Края притыкали к земле острыми осколками оленьих и моржовых костей. Упасть на такие острые осколки означало быть раненым насмерть.

Скаканье на шкуре. Среди разнообразия всяких других состязаний можно особо отметить подбрасывание на шкурах, свойственное чукчам и азиатским эскимосам. Подбрасывание тоже производится на шкуре моржа, но не мокрой, а сухой, твердой, как доска, и гулкой, как бубен. В шкуре по краю наделаны прорезы. Двадцать человек крепко берутся за шкуру, натягивают ее, встряхивают вверх. Охотник до „скакания“ ловким прыжком вскакивает на середину шкуры. Партнеры дергают шкуру; и скакун взлетает кверху, нередко на сажень. Мне случилось сделать довольно удачный снимок с такого скакуна, можно сказать, на лету. Этот снимок напечатан в моей монографии о чукчах.

Нередко скаканье на шкуре принимает характер состязания. Охотники выступают по двое, чаще всего юноша и девушка. Оба взлетают в высоту, падают вниз, партнеры дергают шкуру, и снова скакуны взлетают в высоту. Они держатся совершенно прямо, но горе тому, кто поскользнется или даже наклонится в сторону: его подбрасывает вверх, он возвращается в наклонном положении, попадает на шкуру не ногами, а лицом и снова взлетает в высоту уже ногами вверх, голову вниз.

После двух, трех подбрасываний один из соперников выходит из строя, на шкуру вступает другая пара, потом третья, четвертая, иногда до десяти пар. Потом меряются победители, пока не останутся двое, наиболее искусных. Чаще всего это бывают девушки, ибо женщины в этой игре искуснее мужчин: у них бедра шире. Победительница толкает приз, по местному подходу тоже довольно дорогой.

Мяч. Широко распространена повсеместно игра в мяч. Самое слово „мяч“ по-чукотски означает „пиналка“.

У юкагиров игра в мяч связана с отношением полов. Мяч — деревянный шар, обшитый оленьей шкурой, довольно тяжелый и твердый. Его перебрасывают взад и вперед, а потом, изловчившись, бьют мячом изо всей силы по чьим-нибудь ногам. Юноши метят в девушек, а девушки — в юношей. Здесь, обыкновенно, сводятся счеты за непостоянство и измену. Тот, кто чувствует себя виновным, терпеливо выносит удары или, в свою очередь, подхватывает мяч и переходит в стремительное нападение.

Пляски. Большим разнообразием отличаются пляски. Круглый хоровод — плетень, междуполовая пляска: стена на стену и парами — юноша с девушкой. Особенно известен эвенский хоровод *охорье*, который перешел и к юкагирам и к якутам. Участники хоровода, юноши и девушки, смыкаются в большой круг, сплетаясь руками и топя ногами, движутся справа налево посолонь. Пляска начинается медленно, но потом ускоряется. Участники сгибают и разгибают колени, наклоняют голову влево и вправо, раскачивают туловище взад и вперед. Пляска ускоряется и уже превращается в скачку. Весь хоровод, не расцепляясь, как будто спаянный вместе, делает огромные прыжки, и сорок человек вместе взлетают в высоту. Безумие пляски заражает всех присутствующих: старики и старухи, дети и даже больные притоптывают ногами и потом врываются в цепь. Пляска длится часы за часами, с утра и до вечера.

Чукотско-корякские пляски имеют обрядовый характер и в общем представляют охотничье действие или только подражание движениям того или иного зверя. Девушки пляшут „ворона“. При этом внезапно подпрыгивают, ищут и собирают мелкие камушки, долбят землю вместо вороньего клюва протянутой рукой, каркают и хриплым голосом выкрикивают: „Ворон, ворон“.

Пляска лисы и медведя представляет встречу этих двух зверей, причем лиса обманывает медведя, лечит его раны раскаленными камнями и так убивает его. Лиса говорит тонким фальцетом, медведь отвечает густым басом, который постепенно слабеет.

Пляски и песни белолобого гуся, утки-морянки, лебедя, турухтана, моржа, тюленя представляют ряд таких же подражаний с соответственными словами и движениями.

Звериные пляски в ходу также у коряков и юкагиров. Юкагирская пляска лебедя имеет половой характер и связана с круговым хороводом. Юноша и девушка выходят на середину хоровода и изображают движениями, как лебедь ухаживает за лебедкой. Лебедка уклоняется, лебедь волочит крыло, т. е. руку, роет землю ногою, подпрыгивает.

Воскрешение зверей. Другие звериные пляски имеют характер массовых охотничьих заклинаний. Они связаны с обрядами воскрешения убитых зверей, которые были распространены у всех народов Севера, начиная от лопарей на западе и кончая азиатскими эскимосами и гиляками Дальнего Востока.

Праздник воскрешения зверей — это праздник осенний, завершающий летнюю охоту. В своем наиболее развитом виде он переплетается с праздником умирающего и воскресающего зверя, чаще всего медведя (реже кита или белого дельфина), а также с комплексами мифов, подкрепляющих и разъясняющих этот праздник.

На крайнем северо-востоке чукчи и коряки в течение всего лета собирают так называемые приклады от охотничьей добычи: чаще всего коготь или нос от пушного зверя, от оленя — рога или гребенку передних резцов с нижней челюстью. От медведя берут ухо, от кита — глазное яблоко, обрезок сердца или печени. К концу лета эти приклады собираются пудами, возить их с собою становится труднее, и тогда наступает время праздника. В шатре зажигают костер, перед костром на шкурах выставляют звериные приклады. Они группируются вокруг звериного вождя, которым является старший зверь: медведь или кит. К прикладам присоединяют несколько туш недавно убитых животных, частью подмороженных, ибо по ночам уже бывают крепкие заморозки. Туши подкладывают к огню и зверей приглашают: „Погрейтесь у нашего огня, снимите свои шубы. Вот вам домашнее платье!“

При этом с подтаявших туш сдирают шкуры и навязывают им пояса и ожерелья из сухой травы: „Вот, угощайтесь!“

Звериные клыки намазываются салом, в полуоткрытую пасть запикивают сушеное мясо, на туше взрезывают с боков „карманы“ и туда напикивают рыбьей икры, сала и т. п. При этом приговаривают: „Вот, угощайтесь, а это отвезите домой, на тот свет, и скажите вашим братьям, пускай бы они пришли, здесь, мол, хорошо угощают и с собою дают“.

После того начинается самая пляска. В шатер входит вереница женщин, одетых по-звериному: в шкурах, в особых шапках и даже в масках. Это убитые звери. Охотники-мужчины встречают их приветливо, однако с оружием в руках. Два хора, мужской и женский, выстраиваются друг против друга:

„Мы пришли, пришли!“ — возглашают женщины.

„Привет гостям!“ — отвечают мужчины.

Звери, т. е. женщины, пляшут с вызывающим видом. Охотники-мужчины начинают объяснять: „Не мы вас убили!“

„Нет, нет, нет!“ — отвечают женщины.

„Молния вас поразила, камни скатились со скал и разбили вам голову!“

„Да, да, да!“ — подтверждают женщины.

„Русские вас застрелили, луком с огнивом“.¹

„Да, да, да!“ ...

Женщины входят в азарт, они рывкают, как будто медведи, храпят, как олени, воют, как волки, тьякают и лают, как лисицы. Они бросаются к мужчинам, обнимают их, царапают им спину, обнюхивают у охотников шею и лицо.

Пляска принимает эротический характер. Это примирение мужчины-охотника с побежденной звериной женщиной.

После того все приклады выносят из шатра и отправляют по принадлежности: тюленьи и рыбы кости бросают в море; туда же спускают деревянную фигурку кита; кости сухопутных зверей бросают на тундре; птичьи кости подбрасывают вверх. При этом постоянно приговаривают: „Кит ушел в море, тюлени ушли в море, рыба ушла в море! ... Песцы и лисицы убежали в поле, птицы улетели высоко“.

Эти звериные отпуска „имеют свойство воскрешать убитых зверей“, которые уходят на „тот свет“, весной „возвращаются снова“ и „приходят“ все к тем же охотникам.

В общем выходит магическое животноводство, попечение о том, чтобы звериная порода не убывала, — посредством магических обрядов и заклинаний.

Эротические пляски вообще отличаются большим разнообразием. Эскимосские девушки пляшут, например, пляску старика. Старик прыгает влево и вправо, размахивает руками и приговаривает: „Ух, ух! Я стал без костей“. Потом набрасывается на кого-нибудь из девушек. Чукотские девушки пляшут пляску одноглазого и при этом припевают: „Одноглазый тужился петь, пока другой глаз не выскочил вон“.

Еще более откровенные эротические пляски изображают действие любви. Чаще всего пляшут одни девушки без участия мужчин. Жесты у пляшущих весьма выразительны.

У чукчей и азиатских эскимосов существуют особые торговые пляски, которые имеют место при посещении чужеземников, приехавших издалека и привезших товары для обмена. Этот торговый обряд сопровождается пением и поколачиванием семейного бубна, как все вообще обряды у каждой из этих народностей. Потом начинаются пляски. Сделав несколько туров, гость выкрикивает: „Вижу табак“ или „Вижу песка“, указывая на товар, который имеется у хозяина и спрятан в глубине его мешков, в темном углу шатра. Хозяин беспрекословно достает указанное. После того, иногда с большим перерывом, хозяин тоже начинает выплясывать и называет соответственный товар, привезенный гостем.

¹ Кремнево: ружье.

Эти торговые игры с чужеземцами сопровождаются любовными плясками. Гость приглашает плясать с ним одну из хозяйских сестер или дочерей. Если она согласна, он бросает ей под ноги шкуру, часто значительной ценности: американского бобра, лисицу-сиводушку, росомаху. Женщина пляшет на шкуре, потом эта шкура служит им брачной постелью и остается в пользу женщины.

Торговые и любовные пляски указанного типа чаще всего сочетаются вместе.

Пение и музыка. Почти у всех малых народностей Севера музыка и пение имеют весьма первобытный, почти зачаточный характер. Для музыки служит „бренчалка“, вырезанная из дерева, из кости и даже из железа. Ее пощипывают пальцем, и она тренькает отрывистым и тонким голоском.

Балалайки и скрипки, клеенные из дерева, представляют подражание русским образцам, и едва ли на них нужно останавливаться.

Пение мужское и женское имеет характер импровизации, с описанием всяких предметов, какие попадутся на глаза: „Вот моя трубка, трубка, трубка, а в ней табак, табак, табак...“

Этому соответствуют также и несложные напевы.

Вместе с тем существуют и настоящие песни, чаще всего плясовые с ритмическим содержанием и усложненным напевом.

Например песня азиатских эскимосов в поселке Уэлен на мысу Дежнева:

Уэленские юноши распевали,
Инчоунские юноши раскачивались,
Девушки плясали.
Сшивальницы кожаных байдар напугались,
Имэклинские юноши слушали.

Другая песенка приморских чукчей:

Я маленькая женщина,
Маленькая женская птичка,
Одета в косматую женскую шубу,
Женская птичка.

Кстати сказать, эта песня не женская, а мужская. Эту песенку пел слепой Выйенто, жалобно называл себя женщиной и птичкой и горько плакал. При этом он неоднократно доходил до подлинной истерики.

Другой вид пения, тоже распространенный среди различных северных народностей, — это так называемое «горлохрипение». Оно представляет ряд звуков, производимых втягиванием воздуха, низких, гортанных и еле слышных. Потом на этом звуковом фоне возникает тонкая, претонкая мелодия, похожая скорей на дрожание крыльев большого насекомого — жука, стрекозы, — чем на человеческий голос. Все вместе не лишено особого изящества.

В горлохрипении участвует целый хор девушек и юношей. Девушки поют по очереди, искусно сменяя друг друга, в такт, неожиданно. Они

при этом раскачиваются взад и вперед, и слева направо. Юноши поднимают руки вверх и щелкают пальцами, а также прищелкивают языком: „Раз, раз, раз...“, как будто стреляют из пистолета.

У юкагиров юноши и девушки по очереди поют любовные песни, отличающиеся большой красотой. Например, девичья песня:

Магушка моя, Ясачная река, слушай меня:
Кости его, как молодая лиственница,
Одежда его, как красная хвоя.
Мой милый, словно солнце.
Взгляд его глаз играет на мне, гой, гой.
Сердце мое плавает и тает, как вода.

Ответная песня юноши:

От Ясачной реки, отходя, девушек вспоминая,
Подошву горы Орозк, вершину Бараньей горы
Одним духом прошел.
Когда показалась Большое Сердечко-Гора,
Словно блеснул серебряный наглазный щиток.
Когда показалась вершина Чингеджина,
Блеснула серебряная бляха на девичьей груди...
Старость, оставайся позади меня,
Солнечного света весельем теперь повеселюсь.

У обруселых чувано-юкагиров на реках Колыме и Анадыре эти старинные юкагирские песни получили новый облик, еще красивее и изящнее своего первообраза. — Это, так называемые *андыщины*, проголосные песни местной молодежи. Они распевались на два различные тона: русский склон и юкагирский склон. Эти песни теперь, к сожалению, исчезли безвозвратно. Тридцать лет назад [1900 г.г.] я записал последние их образцы. Они отличались большой красотой, имели особый набор ласкательных имен, мужских и, особенно, женских: уточка, пташка, жальчиночка, смугляночка.

Мужская песня

Да не гонялся я, Мишаночка, за твоею ненаглядною красой,
Да гонялся я, Иванович, за твоею за русою косой.
Да в зимнюю пору долгим плесом на рысях я, парень, хлестко выбежал.
Да в летнюю пору мелку росу хватал по вершиночкам лесным.
Да в осеннюю темну ночь с Феней до бела света я, парень, не сыпал.
Да тешил, нежил я жальчиночку на своей белой груди, как дитю.
Да показалась нам темная ночь всего за минуточку за одну.

Женская песня

Да запрещают мне ходить за гуляночкой, друг мой, за тобой,
Да за тобой.
Да запрещают мне кровны ближни вот да и от жалости твоей,
Да все твоей.
Да от жалосте я природна левка воздержаться сама не могу,
Да не могу.
На твои я, парень, глазыньки насмотреться, девка, не могу,
Да не могу.

Да во отлучке то от жалосте твое виденье я рада увидеть,
 Да увидеть.
 Да от жалосте любовушка всея меня девку забрала,
 Да забрала.

Воспевание весны

О, да у нас рано весна красна на дворе стала наставать,
 Да наставать.
 О, да и стали зелены листочки на деревьях они стали выростать,
 Да выростать.
 О, да и стали во дубровушку всяки разны мелки пташки стали налетать,
 Да налетать.
 О, да ковды к нам, розбратики, станут лебедушки своим нежным голосом,
 Да голосом,
 Станут воскикать,
 Да воскикать.¹
 Да близ подъему солнечного громкой соловьюшко станет воспевать,
 Да воспевать.
 Близ закату мелки пташки у нас станут ворковать,
 Да ворковать.
 Со полуночи на усть взморьи темной туманичек морской станет да западать,
 Да западать.

Андыщины, так же как и подлинные юкагирские песни, некогда распевались по очереди юношами и девушками во время зимних посиделок в стоячих деревянных юртах или в рубленых избах. У русских колымчан и анадырщиков, а также у обруселого коренного населения зимою в избах водили *корогоды* — 'хороводы' и „выхаживали“ так называемые „игровы песни“.

Я опубликовал в 1901 г. серию колымских игровых песен.

Под игровую песню ходили по кругу мужчины и женщины попеременно. Каждая женщина держала правую руку на плече своей пары, и при последних словах песни оба оборачивались и целовались. Потом мужчины и женщины менялись местами, и мужчины шли сзади, положив руки на плечи женщин. Песня повторялась три раза, причем каждый раз направление идущих менялось. Каждая очередь игрового хода называлась *резой*.

Зимние посиделки, вечорки, игрища отводят много места пляске. Иные вечорки даже обходятся без всяких игровых песен и прямо начинаются с пляски. Пляшут только русскую, причем каждый мужчина должен по очереди пригласить всех женщин и проплясать с ними. Верхом торжества считается переплясать, т. е. довести до изнеможения всех женщин по очереди. Иногда один и тот же человек пляшет более полутора часов, исполняя такой „подвиг“. Мотив плясовой песни разыгрывается присутствующей музыкой, а зрители время от времени подпевают слова для того, чтобы поддать жару пляшущим.

Музыка представлена самодельной скрипкой или балалайкой, гораздо реже гармоникой.

¹ Лебедь — кичет.

Плясовые песни нередко старинного происхождения, каковы: „Камочка“ (от камка — род ткани).

Ты камочка, камочка моя,
Мелкотравчата, узорчатая.
Не давайся камочка никому,
Что ни князю, ни боярину,
Ни тому сыну гостинину.

Или „Теремок“:

Я во саде гуляла,
Во зеленом ходила,
Сладки яблоки щипала,
Я наливчатые,
Как на блюдечко я клала,
На серебряный поднос.
Во высок терем вошла,
Дружку милу подала.
Молод милой не принимает,
Не отказывает.
С головы шляпу долой,
Ниже листику поклон.

Не чванься, не ломайся,
Друг сердечный предо мной.
Еще есть у меня
Друг получше тебя.
Он как ростом то повыше,
Покрасивей на лице.
Ну кафтанчик-то шитой,
Он на пуговках литой.
Ну кафтанчик дорогой,
По подолу голевой,
Голевой, дорогой,
Чисто пуговчатой...

Детские игры. Детские игры у северных народностей отличаются таким же разнообразием. Одни имеют повсеместное распространение и примыкают к общеизвестным всесветным мотивам, но получают на Севере оригинальное оформление. Например, игра в ворона и матку. У чукчей и юкагиров, у тунгусов и эскимосов этой игрой увлекаются не только дети, но также и взрослые. Я приведу вариант чувано-юкагирский.

Выстраивается матка с детьми, перед маткой — ворон. Завязывается следующий диалог: — „Ворон, ворон, что ты делаешь?“ — „Ямку копаю“. — „Зачем ямку?“ — „Камушек выгрести“. — „Зачем камушек?“ — „Твоих деток стрелять“. — „Зачем деток стрелять?“ — „Они мою юртишечку разрыли, разбили“. — Ворон бросается на деток, они разбегаются в разные стороны с криком: — „У ворона глазки худеньки, наши глазки жирненьки“.

Рядом с этим можно привести весьма специальные игры чукчей, коряков и юкагиров, так называемые „счетные игры“.

У оленных чукчей на лесотундре подвешивают к дереву чурбан на ремне, мальчишки по очереди набрасывают на него аркан. Счет ведется по отдельным этапам оленного хозяйства:

- 1) я откочевал на весенние места;
- 2) я выкормил быков;
- 3) я откочевал на летние места;
- 4) я сделал убой оленей;
- 5) я шил дорожную обувь;
- 6) я отогнал стадо к лесу;
- 7) я отнес посуду (на место остановки);

- 8) я подошел к травяному пастбищу;
- 9) я запутался в траве;
- 10) я вышел из травы;
- 11) я подошел к кустам;
- 12) я запутался в кустах;
- 13) я вышел из кустов;
- 14) я подошел к лесу;
- 15) я запутался в лесу;
- 16) я вышел из лесу;
- 17) я стою на поляне;
- 18) я шил теплую одежду;
- 19) я сосал молоко;
- 20) я сжег кости (съеденных оленей).

Всего этапов двадцать. После того начинается обратное движение, тоже из двадцати этапов.

У эвенкийских охотников такая же игра, с переходом по этапам, разыгрывается весною, на празднике „обновление жизни“. Всего этапов семь, они продолжаютя „год“, имеющий, таким образом, семь сезонов. Охотники гонят невидимого зверя, в конце концов, на седьмом переходе, убивают его на самом верхнем небе.

Коряцкая игра тоже имеет охотничий характер, но она земная, трезвая. Счет ведется так:

- 1) я увидел след лося;
- 2) я догнал лося;
- 3) я убил лося.

Можно указать у детей, в особенности у девочек, замысловатую игру — выплетание различных фигур из шнурка, растянутого на пальцах рук. Такая игра, как известно, есть у всех европейских детей, в том числе у русских, а также у кафров в южной Африке. Но чукотско-эскимосские фигуры отличаются большой замысловатостью. Я долго не мог научиться „снимать“ эти фигуры на свои собственные пальцы, пока не зачертил их на бумаге со всеми сплетениями.

Упомяну еще игру эскимосско-чукотско-коряцкую, так называемую *уккаль*, похожую на бильбоке.

Уккаль состоит в подхватывании на палочки деревянных колец, подброшенных на воздух, или звериной фигурки из кости или дерева, истыканной многими дырами.

Этот последний вариант встречается у всех эскимосских племен от Аляски до Гренландии.

Любопытно указать, что судя по находкам в пещерах Дордони, во Франции, такая же игра существовала в верхнем палеолите в эпоху Мадлен.

Игрушки и куклы. От этих костяных фигурок естественно перейти к неистощимому разнообразию звериных, человеческих и фантастических фигурок, резаных из кости моржовой и мамонтовой, кроеных из кожи, из бересты, плетеных из соломы, которые встречаются у всех северных

народов, начиная от Колы на западе и кончая Колымой на крайнем северо-востоке.

Эти фигурки служат для забавы и взрослых и детей и в то же время имеют магическое значение. Фигурку пришивают к детскому капору, к поясу, к рукаву, вкладывают в кожаную ладанку и вешают на шею. Четыре фигурки из дерева подшивают к узкой головной повязке по две с каждой стороны, — все это „духи-хранители“, амулеты, „отстраняющие“ нападение злых сверхъестественных сил, заразных болезней, враждебных шаманов.

Впрочем, фигурки-амулеты, с появлением русских товаров, еще в XVIII в. заменились бусинами.

Таким же разнообразием отличаются и куклы, шитые из шкурных обрывков с большим искусством и старанием. Куклами играют преимущественно девочки.

С другой стороны, такие же куклы служили шаману для наведения порчи на людей, „обреченных гневу“.

Фигурки, сделанные из оленьего сала или мяса, из мятой травы, из толченых и тертых корней, из глины и даже из снега, служили для жертвоприношения.

Фактическое описание игр, существующих у малых народностей Севера, естественно приводит нас к анализу той производственной и социально-экономической базы, на которой они возникли. Этот анализ, несмотря на замкнутый круг указанных фактов, может дать определенные указания относительно той древнейшей социально-экономической формации, на которой научное описание встречается эти народности, а также относительно и последующих более поздних формаций и их дальнейшего разложения под воздействием завоевания, развития внешней торговли и всей колониальной политики царского правительства.

Начну с установления производственных соотношений. Они выступают постоянно с наглядной четкостью: игры оленеводов связаны с различными процессами и сезонными стадиями оленеводства. Коряцкие и эвенкийские игры имеют охотничьи характер. Производственные отношения выступают в описаниях природы, где вспыхивает непосредственное поэтическое чувство.

Например, в чукотских рассказах встречаем такое описание: „Весна, солнце пригревает, льды отходят от берега, радуются люди и птицы...“ А дальше следует: „Такое прекрасное время пригоднее всего для выездов в море на промысел тюленя“.

Даже в русско-юкагирских *андыщинах*, которые развивались под воздействием русских влияний, тоже встречаем в „Воспевании весны“, после приведенных раньше стихов, такое продолжение:

В летну пору мы займемся главным рыбным промыслом,

Да промыслом.

Да стараемся мы белую рыбочку поболее заловить,

Да заловить.

Перехожу к установлению социально-экономической базы. Игры северных народностей, взятые как целое, соответствуют в общем эпохе первобытно-общинного строя. Здесь не приходится даже говорить о пережитках этой древнейшей формации, а надо указать, что корни общественных игр уходят целиком в далекое прошлое. Именно там они выросли и в дальнейшем изменились сравнительно мало, во всяком случае не так, чтобы нельзя было определить их древнего общинного характера.

С первобытно-общинным строем связано это общественное веселье, вспыхивающее постоянно, при каждом удобном случае, и это почти инстинктивное умение устраивать общественные игры для мужчин и для женщин, для взрослых и детей. Это страстное увлечение песнями и плясками, спортом и атлетикой, эта настойчивость и неутомимость, в которых первобытные народы на Юге и на Севере едва ли не превосходят более культурных людей.

Бразильские индейцы на р. Амазонке, африканские негры, меланезийские племена в Океании отдаются своим пляскам с какой-то необузданной яростью. Пляшут часы за часами, упадут в изнеможении, потом вскочат и снова пляшут. И так проводят в напряженном весельи два или три дня, почти без сна и без отдыха.

То же мы видим и на Севере. Азиатские и американские эскимосы в январе и в феврале почти погибали от голода. Февральские вьюги по целым неделям не позволяют охотникам выйти из юрты на промысел. Жители, столпившись в подземном помещении, у площадки, налитой ворвань, коротают невольный досуг рассказыванием сказок, причудливо свитых вокруг одной основной темы: „откуда пришла вьюга?“ Сказки рассказываются особыми сказочницами вечер за вечером в течение многих часов. Хорошая сказочница умеет, не хуже персидской Шехерезады, сплести конец одной сказки с началом другой так, чтобы не было заметно перерыва. Каждая сказка считается в то же время заклинанием против зимней мятели и имеет такую концовку: „Ага, я убил ветер“.

Но если непогода длится слишком долго, — одновременно иссякают ворвань в площадках и сказочный пыл у искусных „посказательных старух“. В землянке становится холодно, темно и тихо. В связи с этим голодная смерть называется на севере „зимней, холодной и темной смертью“. Тогда двое или трое наиболее отважных промышленников вылезают из землянки навстречу свирепому ветру, связываются вместе длинным ремнем, для того чтобы не растерять друг друга, и бредут в темноте, утопая по пояс в снегу. В конце концов, они добираются до морского берега, спускаются вниз, под утесы, дающие защиту от ветра, и находят добычу: белого медведя, группу тюленей-лахтаков. Эта добыча является общественной собственностью без разбора семейных различий и связей. Вместе голодали, вместе насыщаются. К тому времени вьюга успеет, наконец, затихнуть. Промысел растет, становится обильным, женщины, мужчины и дети наедаются до сытости, до полного отказа, поправляются от истощения с чудесной быстротой. Промысел идет лихорадочно, неустанно. Мужчины убивают добычу и привозят ее домой, женщины пла-

стают, замораживают, сушат, заготавливают и прячут мясо. Этот промысел на туземном языке и даже на северном русском наречии назывался *ожива*, ибо им оживали голодные люди от голода и смерти.

Случайные перерывы этого азартного промысла, дающие отдых, вспыхивают каким-то стихийным, неуправляемым, бессонным весельем.

У чукчей и коряков, наряду с эскимосами, такой же первобытно-общинный характер имеет промысел на кита. На охоту за китом выходят все наличные промышленники, на кожаных лодках-байдарах, в челноках и в деревянных вельботах. Тушу убитого кита подтаскивают к берегу и там оставляют ее на мелкой воде. Случается и так, что море выкинет кита, подраненного китоловными судами или пострадавшего от стаи свирепых дельфинов-касаток, которые по-английски так и называются „китобоями“. Как бы ни попала на берег туша убитого кита, она становится общественным достоянием и поводом к общественным праздникам. Сходятся жители из всех ближайших приморских поселков и оленных стойбищ, не разбирая племенного различия: чукчи, эскимосы, а также обруселые чуванцы. Слетаются вороны, сбегаются собаки, и даже лисицы и песцы имеют свое право на пай. Мужчины с топорами врубаются внутрь кита и вытаскивают оттуда огромные куски внутренностей, мяса и белого жира. Женщины разбирают добычу и приводят ее в относительный порядок.

После этого начинается праздник китового убоя, который на этих побережьях является главным охотничьим праздником и длится три дня.

Одновременно с этим любопытно указать в северных играх и плясках отражение более поздних социальных отношений, родового неравенства и даже классового расслоения.

Беговые устроители у чукчей, как было указано, выделялись из среды старшин, богачей и торговцев. Торговые пляски у эскимосов связаны были с приходом чужеземных торговцев.

Во всю предыдущую эпоху (до 1914 г., — *Ред.*) у чукчей и коряков, эвенков и юкагиров были с соседними русскими и обруселыми группами такие же своеобразные торгово-семейные отношения. Каждый зажиточный охотник имел среди русских особого дружка, который, приезжая на стойбище, всегда заезжал именно к нему, ел и пил, кормил своих собак, пользовался различными услугами и за то отдавал хозяину привезенные товары, получая от него пушнину на особенных льготных условиях. Туземец, приезжавший в русский поселок, тоже заезжал к своему дружку, жил в его семье и пользовался такими же правами и также отдавал ему привезенные шкуры и ремни.

Этот обмен, вероятно, некогда имел общественный характер и вместе с торговыми плясками осуществлялся в особых общественных домах при участии всех мужчин и женщин. Такие общественные дома до последнего времени существовали у американских эскимосов, но на азиатской стороне они давно исчезли, и мы застаем междуплеменную общественную торговлю и связанные с нею торговые пляски и игры уже в стадии значительного разложения.

Влияние русских казаков и чиновников привело к тому, что беговыми устроителями становились исправник и купец, казачий командир и даже поп. Причем настоящие участники бега — погонщики собак — являлись батраками этих беговых устроителей и доходили до изнеможения и даже до смертельного надрыва.

Можно указать, что в советскую эпоху, которая осуществляет переход от более древних формаций, полуразрушенных капитализмом и царизмом, к новой коллективистической формации — к советскому коллективизму, общественные игры и пляски, атлетика и спорт ничуть не ослабевают и не оскудевают, напротив того, они разрастаются, местами воскресают из прошлого, осложняются новыми формами, школьными, пионерскими и комсомольскими, работой драмкружков и затейников, сочинением новых песен и веселых драматических пьесок злободневного характера на туземном языке. Древнейшее „пинание мяча“ превращается в футбол, весенняя процессия охотничьего праздника превращается в торжественное первомайское веселье. Таким образом, игрища и пляски, унаследованные от самых древнейших эпох, срastaются с новыми играми, празднествами и зрелищами, которые приносит заря коллективизма, восходящая на Севере.